

МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП

.....

И. В. Мирошниченко*

Политическая культура в современной политической науке рассматривается как сложный и многоуровневый феномен, который влияет на социально-политические процессы, происходящие в политической системе общества. Одно из проявлений многоуровневости политической культуры — существование субкультур в обществе, которое обуславливает неоднородность самого социума, тех условий бытия, в которых протекает жизнь различных его групп. Политическая субкультура общества определяется как совокупность когнитивных, аффективных и ценностных ориентаций, моделей поведения, которая входит в качестве подсистемы в политическую культуру социума и характеризуется наличием ряда устойчивых и специфичных именно для нее признаков, благодаря чему ее можно отличить от других аналогичных подсистем. Данная специфика объясняется прежде всего тем, что субкультура базируется на определенной социальной, территориальной, профессиональной, религиозной, региональной или иной общности. В современной России в условиях изменения форм собственности, формирования новых форм неравенства, интеграции/дезинтеграции субкультурная дифференциация в обществе определяется степенью адаптации к проводимым в стране экономическим преобразованиям или готовности своего рода внутреннего желания и непротивления к подобной адаптации, которая четко проявляется в формировании профессиональных политических субкультур [12, с. 21].

Социально-профессиональная группа в условиях глубоких социальных трансформаций российского общества может рассматриваться как ресурс для политической самоорганизации и выработки жизнеспособных механизмов

* Мирошниченко Инна Валерьевна — кандидат политических наук, преподаватель кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: mirinna78@mail.ru.

гражданского общества. Действенность этого ресурса зависит от складывающейся в организациях и трудовых коллективах политической культуры.

В сентябре 2003 – январе 2004 г. автором в г. Краснодаре были опрошены представители трех социально-профессиональных групп: машинисты, преподаватели вузов, инженеры-программисты. Всего было взято 90 полуструктурированных интервью (по 30 в каждой группе). По типологии Е. А. Климова эти профессии относятся к разным категориям в зависимости от предмета труда: человек – механизм, человек – человек и человек – знаковая система соответственно [4].

При определении эмпирического объекта мы стремились к тому, чтобы социально-профессиональные группы различались, во-первых, по уровню образования, дохода и престижу, во-вторых, по компактности расположения в производственно-отраслевой среде. Так, группа преподавателей формировалась из представителей трех вузов: Кубанского государственного университета, Кубанского государственного технологического университета и Кубанского государственного аграрного университета (пропорционально по специальностям: технические, гуманитарные, естественные, аграрные). Инженеры-программисты представляли предприятия различных отраслей и форм собственности. Эти две группы формировались методом снежного кома. Группа машинистов и помощников машинистов рекрутировалась на одном предприятии (Краснодарское локомотивное депо Северо-Кавказской железной дороги) во время прохождения штатного психологического тестирования.

Машинисты тепловозов — это рабочие высококвалифицированного труда, требующего от исполнителя технических навыков и знаний, внимательности и сосредоточенности; группу на 100 % составили мужчины со средним техническим образованием.

Инженеры-программисты — представители интеллектуального труда, который связан с внедрением информационных технологий в сферы производства и обслуживания. Данная профессия предъявляет высокие профессиональные требования к личности, предполагает такие качества, как логическое мышление, концентрация внимания, мобильность и способность к введению инноваций. Эта профессия динамично развивается, востребована на рынке труда, перспективна в плане карьерного роста и увеличения численности. Группу инженеров-программистов составили в основном мужчины (три четверти) не старше 45 лет (около 60 % не достигли 30 лет), с высшим образованием, как правило, техническим (73 %) и специальным (прикладная математика — 10 %). Из них 20 % получили образование в столичных вузах.

Преподаватели вузов также являются представителями интеллектуального труда, их профессия предполагает коммуникабельность и эрудированность, однако фактические требования, предъявляемые к данной профессии, не столь динамично подвержены изменениям в связи с развитием информационных технологий, как требования к профессии инженера-программиста. Группа преподавателей в гендерном отношении представлена в большей степени про-

порционально, чем остальные группы: 40 % мужчин и 60 % женщин; средний возраст — 48 лет; у всех высшее образование, 60 % имеют степень кандидата наук и 20 % — доктора наук. В 85 % случаев преподаватели закончили провинциальные вузы, 15 % — столичные.

Под политическим поведением мы понимали все виды вербальной и невербальной активности, относящиеся к (вос)производству и изменению отношений в сфере политики; под моделью политического поведения — социально и исторически сформированную систему активных и пассивных, сознательных и бессознательных действий в политической практике, разделяемую социально-профессиональными группами.

Вовлеченность индивидов в общественно-политическую жизнь рассматривалась на двух уровнях: вербально-эмоциональном и инструментальном. На эмоциональном уровне политическое поведение характеризовалось степенью интереса к происходящим в стране политическим процессам. Инструментальный уровень связывался с активностью не только на уровне страны, но и на «локальном» уровне, в частности, в защите и отстаивании собственных интересов.

Политическая реальность как все многообразие объективированных политических структур, отношений и коллективных репрезентаций существует только потому, что живущие в конкретно-историческое время люди обладают неким общим запасом знаний о политической системе. Общий запас знаний о политике формируется только в ходе постоянного обмена информацией, уточнения взаимных позиций, смыслов действий, т. е. благодаря политической коммуникации. Одним из видов политической коммуникации и одновременно одной из распространенных форм политического поведения среди респондентов является обсуждение политических проблем в кругу «первичных групп».

Согласно данным собранных интервью, представители всех профессиональных групп политические проблемы обсуждают в основном с коллегами по работе, однако в характере обсуждения обнаружилось различия.

У машинистов обсуждение имеет эмоциональную окраску:

«Вокруг меня постоянно коллеги обсуждают политику, слушаю их, но в дискуссиях не участвую, молодой, нет опыта, засмеют».

«В семье это лишнее, а вот на работе, особенно в длительном рейсе от нечего делать...»

«Мои друзья – это и коллеги по работе, так что политику мы обсуждаем все время».

Программисты обсуждают политические проблемы более сдержанно и не только с коллегами по работе, но и с руководством.

«С начальником часто обсуждаем политическую ситуацию в стране, реформирование законодательства, которые могут повлиять на бизнес».

«В семье я могу говорить все, что думаю, с друзьями — только о скандальных или трагичных ситуациях. В присутствии начальника говорю только то, что ему понравится».

Для преподавателей «политика – чудный способ убить время», и хотя круг дискуссионных вопросов широк: «от международного положения и внешней политики до управленческих решений, касающихся уровня местного самоуправления», каждый понимает, что от его мнения ничего не зависит.

Активное обсуждение политики сочетается с отказом от прямого участия в политической жизни: большинство (две трети) машинистов и программистов и до четверти преподавателей заявили, что не считают лично для себя важной «полноценную общественную деятельность» — участие в работе партий, ассоциаций по интересам, разного рода объединений, союзов и т.п. Большая часть преподавателей отметили, что состоят в профсоюзе, однако считают такое членство «механическим» и незначимым для себя. Редкие программисты сообщали об участии в той или иной форме в общественной или политической жизни (в основном в избирательных кампаниях).

Существенным моментом в биографии двух третьих респондентов-преподавателей является их активное поведение в общественной и политической жизни в советский период. Это было неотъемлемой частью их работы:

«Общественная деятельность определяла карьеру на 90 %, и по-другому нельзя было».

«Участвовал в политическом просвещении, вел занятия по политинформации».

«Чрезмерная идеологизация и политизация» в прошлом стали одной из причин кризиса политической идентичности в среде преподавателей. Гражданская позиция реализуется в основном посредством участия в выборных кампаниях.

Профессиональные группы различаются по мотивации электорального поведения. Преподаватели и программисты идут на выборы в основном федерального уровня, исходя из принципиальных позиций, или если видят достойного кандидата. Железнодорожники очень организованно подходят к процессу выбора, «собирают листовки, обсуждают кандидатов». Их интересуют выборы всех уровней. Хотя они считают, что их «мнение ничего не решает», все равно «предпочитают отдать свой голос, чем потом винить себя, что не пошел».

Трудно не согласиться с мнением А. Ю. Мельвиля о том, что «демократия понимается сегодня населением России не в духе массового политического участия и способности постоянно оказывать воздействие на принятие решений, а как способность регулярно избирать руководителей, которые в свою очередь после всего этого, вовсе не обязаны поддаваться давлению своих избирателей» [7, с. 169].

В разрыве между высоким уровнем эмоциональной включенности (интереса к политике) и низким уровнем инструментальной активности (за исключением участия в выборных кампаниях) нет ничего экстраординарного. Такая ситуация характерна для любого стабильного, демократически организованного общества, правда, при наличии ряда сопутствующих условий, и прежде всего функционирования отлаженных и постоянно действующих механизмов

общения власти и общества, когда большинство вопросов, лежащих вне сферы «большой политики», но затрагивающих интересы населения, регулируются рутинными процедурами судопроизводства, системой социального партнерства, местным самоуправлением и т. п. Надо признать, что подобные механизмы в России еще не сложились. Но нельзя не видеть и другую сторону: само общество пока не проявляет особого стремления к самоорганизации в виде групп интересов. Об этом, в частности, свидетельствуют данные исследования, характеризующие степень готовности респондентов объединиться для отстаивания собственных интересов.

Преподаватели подтверждают наличие мощного профсоюзного движения, которое не способно отстаивать «интересы конкретного человека», «они являются вещью для себя»:

«Так уж исторически сложилось, что организаций у нас много, а действуют они неэффективно».

«Преподавательская среда слишком разобщена, каждый готов бороться в одиночку, но никто не испытывает желания объединить усилия».

Программисты утверждают, что единственной формой их объединения может стать создание виртуальной ассоциации профессиональных программистов. На момент исследования эта группа ни к каким способам отстаивания собственных интересов не прибегала и не проявила готовности к самоорганизации и коллективным способам отстаивания собственных интересов:

«Нам незачем отстаивать свои интересы, нам и так неплохо живется».

«В настоящий момент люди с моей спецификой работы занимаются делом, и у них нет времени на другое».

Встречались, правда, указания на специфические формы протестного поведения хакеров: «Это и есть наш протест миру, правительствам».

Большинство же программистов предпочитают использование неформальных механизмов — личных связей и знакомств. Замечено, что ориентация на неформальные или даже нелегитимные способы отстаивания собственных интересов находится в прямой зависимости от уровня материального благосостояния и тех возможностей, которыми располагают представители тех или иных имущественных или социально-профессиональных групп.

Это обстоятельство К. Касьянова интерпретировала как эффект «сильно-ресурсных» групп. В ситуации, когда формальные структуры власти оказываются неспособными решать проблемы общества и быть носителями морального авторитета, неформальные связи берут на себя многочисленные функции поддержки жизнеспособности и развития социума. Важнейшие из этих функций — интеграция некоего сообщества и артикуляция, выражение его интересов. Стратегии, ориентированные на неформальные связи, несомненно, выгодные благодаря своей гибкости, несут в себе немалый деструктивный потенциал, заменяя институциональные связи межличностными. Деструктивная составляющая такой социальной практики состоит в том, что формируются

непрозрачные, нигде не фиксируемые, неподвластные регулированию законом правила [3, с. 253].

Машинисты демонстрировали гораздо более высокую, чем программисты и преподаватели, вербальную готовность прибегать к различным способам для отстаивания своих интересов: готовность к объединению, участию в забастовках, демонстрациях, а также использованию давления через профсоюзные органы.

«По Уставу Северо-Кавказской железной дороги, мы не имеем права на забастовку. В начале 1990-х гг. во время „рельсовых войн“ вышло положение „Долой забастовки на железной дороге!“ Но профсоюз может объединить наши действия».

«Наши позиции представлены группой железнодорожников в Государственной Думе. Отсюда и льготы на жилье. Создана конфликтная комиссия на предприятии».

«Наша зарплата на одну треть состоит из льгот, если наши права будут ущемляться, мы моментально объединимся для протеста. Мы отстаиваем свои права».

«Мы — монополия, государство в государстве, за воротами железной дороги другая жизнь».

Машинисты также отмечают, что среди них есть «отдельные личности, которые могли бы отстаивать свои интересы и интересы других, объединить всех, и за ними пойдут», «здесь все за одного и один за всех».

Потенциал «политической организованности» исследуемых социально-профессиональных групп, на наш взгляд, кроется в феномене, который описал В. В. Петухов. По его мнению, постсоветское реформирование создало условия для открытого с точки зрения целеполагания характера социальной активности (не надо скрывать, например, стремление к власти или деньгам), и, что не менее существенно, появился выбор между деятельностью и бездействием, поскольку почти не осталось имитационных форм активности, которыми характеризовались советские времена. Как показывают исследования, реформы для населения, несмотря на серьезные издержки, имели один существенный плюс: они расширили спектр возможностей в самых различных областях и сферах жизнедеятельности. В частности, для россиян важна лично возможность зарабатывать без ограничений, самовыражаться, строить личную карьеру и просто жить насыщенной и интересной жизнью [10].

Вместе с тем новые возможности были актуализированы и освоены различными социально-профессиональными группами далеко не в равной степени. Речь идет о том, какие стратегии жизнестроительства определяют для себя представители групп: одна связана со стремлением жить согласно сложившимся укладу и традициям, следовать привычному, а другая — с инициативой, предприимчивостью, поиском нового в работе и жизни.

Программисты — это люди с высокой вертикальной и горизонтальной мобильностью, их профессия востребована во многих отраслях, что способствует

приобретению новых знаний и навыков. Они стремятся реализовать себя как профессионалы и находят новые возможности для удовлетворения собственных запросов. Пользуясь типологией поведенческих моделей Ю.А. Левады, эту модель можно обозначить как «повышающую адаптацию» [5, с. 488]. Жизненная стратегия программистов находится вне сферы публичной политики, их успешность зависит от их личных возможностей, а гарантом реализации их возможностей выступает стабильность сегодняшнего социально-экономического и политического положения в стране.

Адаптационные стратегии преподавателей менее однородны. Большинство из них не только используют привычные средства поддержания наличного статуса, но и идут на различные инновации для поддержания материального положения вне сферы своей деятельности. Меньшая часть (одна треть) живет так, как жила раньше, считая, что для них ничего особенно не изменилось (изолированная адаптация). И те, и другие находятся в зоне неопределенности, в несоответствии своим возможностям и реальным социальным положением. Маргинальность такого типа не создает благоприятных условий для «политического объединения» социально-профессиональной группы преподавателей.

Реальная проблема для программистов и преподавателей заключается в разрыве между позитивным отношением к идеалам демократии и весьма прохладным отношением к демократии как к инструментальной ценности. Одновременно с этим установки на взаимную поддержку, солидарность, готовность к политическому участию (в том числе и посредством демократических процедур и институтов) не получили большого распространения. Согласно полученным данным, практически во всех ситуациях, будь то выбор важнейших сфер жизнедеятельности, элементов полноценной, гармоничной жизни, определение способов достижения жизненного успеха, политический аспект постоянно находится на периферии интересов респондентов. Лишь в одном интервью (из 90) участие в общественной и политической жизни рассматривалось как залог достижения успеха, что не исключает «платонического» интереса к политике вообще, пониманию ее роли как для страны в целом, так и для отдельного человека.

В целом можно утверждать, что возможности для индивидуального автономного политического поведения оказываются несколько более предпочтительными для программистов и преподавателей, нежели возможности для коллективной самоорганизации и коллективного действия. Даже в условиях гипотетических форс-мажорных обстоятельств (резкого ухудшения условий жизни) реакция респондентов данных социально-профессиональных групп связана в первую очередь с поиском индивидуальных форм решения возникающих проблем, прежде всего дополнительных источников заработка.

В значительной степени, по-видимому, это обусловлено тем, что в России до сих пор не сложился эффективный механизм коммуникации между властью и обществом, его отдельными группами. Политических партий «интересов», являющихся во всем мире главным звеном такого механизма, в России нет. О

системе местного самоуправления вспоминают лишь в случае необходимости передела полномочий властных субъектов разного уровня. Основные усилия профсоюзов направлены на организацию публичных акций и торг с правительством и в гораздо меньшей степени – на формирование действенных механизмов социального партнерства на низовом уровне. Система судопроизводства также находится в кризисе. Большинство организаций корпоративного толка выродилось либо в клубы по интересам, либо в заурядные лоббистские структуры, а разного рода гражданские инициативы (экологические движения, комитеты солдатских матерей, общества потребителей, ассоциации обманутых вкладчиков и т. п.), не имея представительства во властных структурах, постепенно отесняются на обочину политической жизни.

Коллективные формы политического поведения тесно связаны с политической мобилизацией — со стремлением участников политического процесса господствовать над изменениями, происходящими в социальной сфере. Феномен мобилизации объясняется, с одной стороны, процессами кристаллизации и развития групповой сплоченности, а с другой — процессом группового конструирования проблемной ситуации. Групповое поведение при таком подходе оказывается конструктом непрерывной мобилизации действия, создающим разнообразные формы и имеющим своей целью добиться от общества признания некоторой ситуации актуальной. Оно порождает действие, предполагающее способность субъектов политики вмешиваться в события или воздерживаться от вмешательства. Д. В. Гончаров мобилизацию связывает с общим процессом изменений, затрагивающих основные группы населения стран, переживающих переход от традиционных моделей жизни к моделям современным. Именно эти изменения оказывают важное влияние на политическое поведение [2, с. 129]. Сущностью политической мобилизации следует считать доступ к новым формам социализации, к новым структурам социальных ролей и материальных благ.

Мобилизационным потенциалом группы выступают определенные ресурсы: групповые представления о «модели достижения», «алгоритме успеха» тесно связаны с вертикальной и горизонтальной мобильностью. При высокой мобильности «успешные» социально-профессиональные группы могут видеть в участии в общественно-политической жизни и залог достижения жизненного успеха, а могут совершенно игнорировать политику и отдавать предпочтение другим ценностям. Как показывают исследования, свобода выбора профессии, передвижения, в том числе и выезда за рубеж, ценится представителями этой категории вдвое больше, чем право участия в выборах, втрое выше, чем право на забастовку и другие протестные действия, и более чем в 6 раз выше, чем право на участие в деятельности политических партий и общественных объединений. Низкий уровень вертикальной и горизонтальной мобильности позволяет использовать политическую активность в качестве «социального лифта» [10, с. 178], возможности достижения личных целей и жизненного успеха. Комплексная оценка индивидуальной и групповой самореализации, качественные характеристики социальной, экономической и политической активности,

степень включенности в соответствующие общественные процессы, уровень консолидированности группы, способности ее членов к совместным действиям и взаимной поддержке заключаются опять же в моделях достижения и депривации. Здесь можно провести аналогию с такими понятиями, как «культура новых русских» и «культура новых бедных», «культура элиты» и «культура масс». Когда консолидация усилий происходит для сохранения, укрепления своих позиций или же для достижения новых прав и возможностей — это и есть условие для трансформации в групповой политической субъект [1].

Высокий мобилизационный потенциал отличает машинистов от других исследуемых социально-профессиональных групп. Причем определенные мобилизационные ресурсы обнаружились и в группе программистов, но профессиональная установка на индивидуализм, в отличие от установки машинистов на коллективизм, препятствует самоорганизации и совместным действиям этой группы.

Важно отметить, что политическое поведение тесно связано с установками. Установка — это специфическое состояние субъекта, которое характеризует его готовность к совершению действия, направленного на удовлетворение данной потребности в данной ситуации. Установка предшествует действию, являясь начальным этапом, настроен на действие. Кроме того, эксперименты доказали не только наличие установок в различных сферах повседневной деятельности, но и их интермодальный характер, т. е. сходство параметров установок одного и того же индивида в разных видах деятельности [9, с. 40]. Применительно к нашему исследованию можно утверждать, что установки, сформированные в профессиональной сфере, актуализируются и в политической сфере при возникновении благоприятных для этого условий.

В настоящий момент машинисты видят единственную возможность улучшения своего благополучия в мобилизации — в протестном отстаивании своих прав. В отличие от новых бедных, депривированных не только экономически, но и морально, железнодорожники в рамках рабочего движения имеют возможность отстаивать свои интересы, особенно при выдвижении локальных требований. По мнению В. В. Ракитского, фактором гражданской самоорганизации рабочих является их «оппозиционно-силовая роль» в процессе реформ, когда давно даны ответы на вопрос «Что делать?» и на повестку дня встает не менее важная проблема: «Кто заставит делать?» [11, с. 37–39]. Б. И. Максимов отмечает, что «в рабочем движении постоянных руководяще-организующих структур нет; они возникают по конкретные дела и существуют, пока для них есть работа, причем обычно отсутствуют сформулированные в политических терминах цели. Отсутствие этих атрибутов компенсируется выработанной в совместном труде способностью правильно и быстро понимать друг друга» [6, с. 115]. Машинисты принадлежат к тем социально-профессиональным группам, которые со своим недовольством являются потенциальной силой, спящим вулканом и тем самым могут влиять на поведение властей, реформаторов и новых собственников.

Исследование политического поведения в рамках политической культуры социально-профессиональных групп дает возможность говорить о «потенциале включенности», который предполагает наличие соответствующей инфраструктуры участия (системы социального партнерства, профсоюзы, локальные общности, ассоциации и т. д.), убежденность в необходимости и эффективности этих механизмов, а главное, умение в случае необходимости задействовать эти механизмы для решения принципиальных проблем различного уровня — от локальных до общенациональных.

Модели политического поведения как особый диагностический инструмент, несмотря на неизбежные упрощения, дает возможность видеть частные политические практики в широком социально-политическом контексте, отслеживать политические ценности и образцы политически релевантного поведения, тенденции их изменения и в конечном счете раскрывать перспективы различных форм политической самоорганизации граждан.

Модели политического поведения исследуемых социально-профессиональных групп можно охарактеризовать в категориях ориентации на «вход», ориентации на «выход» и комбинированной ориентации на «вход» и «выход», а также в терминах пассивности и активности. Эти категории заимствованы из классической концепции Г. Алмонда и С. Вербы [13, р. 36–40]. Так, для ориентации на «вход» характерна артикуляция индивида ми, социальными группами, обществом политических требований через политические институты (партии) или политические действия (выборы и т. д.).

Ориентация на «выход» предполагает установку на результат политического процесса, на принятие решений правительством, парламентом, судом, другими органами власти и одновременно на институциональный контроль над обществом.

Комбинированная ориентация на «вход и выход» предполагает, что индивиды активно участвуют в политической жизни, пытаются воздействовать на процессы принятия решения; при этом выполняют и с уважением относятся к уже принятым решениям; характерна также ориентация на «активную роль самого себя».

Кроме того, качественную разнородность поведения позволяют зафиксировать такие характеристики, как активная или пассивная политическая культура. Носитель активной политической культуры «пропускает» политическую действительность через себя, переживает и оценивает политические объекты и явления. Пассивная политическая культура предполагает, что субъект лишь «принимает к сведению» политические события и решения органов власти. Крайняя форма такого пассивного отношения к действительности — политическая индифферентность [8, с. 35].

Модели политического поведения машинистов и программистов представляют собой ориентацию на «вход» и «выход», однако с разной степенью активности. И машинисты, и программисты в равной степени ориентированы на «выход» политической системы, что проявляется в интересе к политике и

в обсуждении политических проблем в «первичных» кругах. Но интерес к политике и связанная с ним коммуникация у программистов носит рационально-прагматичный характер, а у машинистов – скорее эмоциональный. Ориентация на «вход» у машинистов связана с их коллективной деятельностью как политического субъекта, чему способствует огромный мобилизационный потенциал. При этом их политическая мобилизация связана с защитной реакцией на относительное, по сравнению с советским периодом, ухудшение социально-экономического положения этой профессиональной группы.

Программисты в меньшей степени, чем машинисты, ориентированы на «вход», что характеризуется их «повышающей адаптацией» [10]. Жизненная стратегия программистов находится вне сферы публичной политики, их успешность зависит от их личных возможностей, а гарантом реализации их возможностей выступает стабильность социально-экономического и политического положения в стране. Программисты демонстрируют также активные формы политического поведения, но они, во-первых, единичны, во-вторых, представлены индивидуальным автономным политическим поведением, в котором задействованы механизмы использования неформальных личных связей, носящих неинституциональный характер. Модель политического поведения программистов — это пассивное индивидуально-автономное политическое поведение с ориентацией на «вход» и «выход», у машинистов — активное коллективное политическое поведение с ориентацией на «вход» и «выход».

Политическое поведение преподавателей основывается на «изолированной адаптации» социально-профессиональной группы, которая связана с деполитизацией и определенной степенью депривации. Они демонстрируют активность подчинения или пассивность, основанную на индивидуально-автономном политическом поведении с ориентацией на «выход» политической системы. В целом политическое поведение преподавателей граничит с политической индифферентностью как крайней формой пассивного отношения к политической действительности.

Проведенное исследование показало, что сложившиеся модели политического поведения социально-профессиональных групп имеют неиспользованный потенциал для развития гражданского общества в России. Так, для среды инженеров-программистов характерны рациональный, прагматический подход к сфере политики, открытость для нового опыта, принятие либерально-демократических ценностей и т.д., т. е. то, что созвучно идеологии гражданского общества; однако эти ценности остаются никем не востребованными и не воплощаются в политическом действии. Этот пример показывает, что преодоление между идеальными и инструментальными ценностями у таких профессиональных групп способно заложить основу для индивидуально-автономного участия граждан в политической жизни общества.

Основой для политической самоорганизации граждан могут выступить также и общинные традиции предприятия как социально-корпоративной организации. Промышленным предприятиям в качестве наследия советской системы

достались функции не столько производства, сколько социального воспроизводства, нагруженного массой внепроизводственных обязанностей. Трудовой коллектив был не только пропагандистской формулой в советский период, но и реальностью. Радикальные реформы нанесли по корпоративно-общинным структурам удар, но не разрушили их. В нынешней ситуации эти структуры играют чрезвычайно важную роль социального стабилизатора и амортизатора, и заменителей им в этом качестве пока нет.

Отсутствие адаптационной стратегии в системе государственного управления к новым условиям социальной дифференциации и социального неравенства современного российского общества препятствует созданию жизнеспособных институтов гражданского общества. Политические структуры нередко живут старыми представлениями о трансформирующейся социальной структуре, что затрудняет адекватную оценку новой иерархии социально-политических потребностей и интересов различных социальных групп и общностей.

Библиографический список

1. *Баева Е.С.* Проблемы анализа социально-экономической дифференциации в современном российском обществе // <http://my.samara.ru/-soc/stat/287752>.
2. *Гончаров Д.В.* Политическая мобилизация // *Полис*. 1995. № 6.
3. *Касьянова К.* К вопросу о русском национальном характере. М.: Б. м., 1991.
4. *Климов Е.А.* Путь в профессию. Л.: Лениздат, 1974.
5. *Левада Ю.* От мнений к пониманию: Социологические очерки, 1993–2000. М.: Московская школа политических наук, 2000.
6. *Максимов Б.И.* Рабочие в период реформ: положение, ориентации, коллективные действия // *Мир России*. 2002. № 3.
7. *Мельвилль А.* Политические ценности и ориентации и политические институты // *Россия политическая*. М.: Моск. Центр Карнеги, 1999.
8. *Нахимов А.П.* Политическая культура офицеров российской армии. Екатеринбург: Уральский юр. ин-т, 1997.
9. *Олейник А.Н.* Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни к государственной власти. М.: Инфра-М, 2001.
10. *Петухов В.В.* Феномен социальной активности и гражданского участия в современном российском контексте // *Базовые ценности россиян: Социальные установки, жизненные стратегии, символы, мифы*. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003.
11. *Ракитский В.В.* Социальная защита, самозащита трудящихся. М.: Ин-т перспектив и проблем страны, 1999.
12. *Холодковский К.Г.* Социальные корни идейно-политической дифференциации российского общества // *Полис*. 1998. № 3.
13. *Almond G.A.* Comparative Political systems // *Political Behavior: A Reader in Theory Research* / Ed. by H. Eulau et al. Glencoe (Ill.): The Free Press, 1956.